

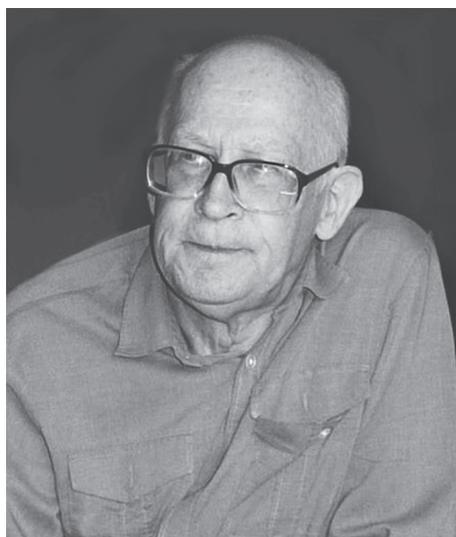
ЮБИЛЕИ

В августе исполнилось 80 лет со дня рождения профессора кафедры истории философии и философии образования департамента философии Института социальных и политических наук нашего университета Витольда Титовича Звиревича, доктора философских наук, известного своими глубокими исследованиями по античной и средневековой философии. Редакция от всей души поздравляет Витольда Титовича с юбилеем, шлет самые добрые пожелания и рассчитывает на публикацию его новых статей и переводов. В заметке, которую мы печатаем ниже, своими мыслями о Витольде Титовиче, университетском профессоре в самом высоком смысле этого слова, делится один из его учеников и коллег Сергей Петрович Пургин.

ПОЭЗИЯ ЗВИРЕВИЧА

Первые слова, которые непроизвольно всплыли в голове, когда я стал обдумывать эти заметки, были известные слова Шпенглера из его «Заката Европы»: «Природу надо трактовать научно, об истории — писать стихи»... Отношение этих слов к Витольду Титовичу Звиревичу может показаться вполне случайным, но эти слова преследовали меня неотступно, и я подумал, что в них, для меня по крайней мере, выражается нечто существенное в связи с тем поводом, который невозможно считать просто календарно-юбилейным.

Писать о В. Т. Звиревиче «юбилейную статью» с обычным перечислением трудов и достижений юбиляра немислимо.

Не только потому, что у меня, как и у многих других людей, глубоко личное отношение к нему как к ученому и как к человеку, которое, конечно, не выразить в жанре «юбилейной статьи». В первую очередь, причина — сам Витольд Титович, который не терпит «парада», и «юбилейный официоз» (как и любой другой) ему неприятен. С другой стороны, Витольд Титович вообще не любит никаких излишних чувств, никакой аффектации, поэтому автор статьи о нем заведомо находится в трудном положении.

«Писать стихи об истории»... Читая заметки В. Т. Звиревича о его учителях, короткие записи о студенческих годах (моя благодарность Витольду Титовичу за возможность познакомиться с ними!), я думаю, что такая жизнь в науке, такое *начало* этой жизни и на самом деле сродни поэзии! В записях Витольда Титовича, несмотря на их краткость, ясность, — вкус к точности, привитый его учителями, выдающимися историками, работавшими на историческом факультете, — угадывается вдохновение, упоение знанием! Среди учителей В. Т. Звиревича — Нина Николаевна Белова, у которой он писал дипломную работу; Александр Лаврович Вознесенский, который занимается с молодым студентом латынью и древнегреческим; Евгений Георгиевич Суров, с которым студент Звиревич тесно общается во время археологической экспедиции в Херсонесе; основатель уральской византийской школы Михаил Яковлевич Сюзюмов. Сюзюмов руководит одной из курсовых работ Витольда Титовича, собственноручно редактирует ее, относит в машинописное бюро и представляет на конкурс студенческих работ. В дальнейшем Сюзюмов рецензирует диплом Звиревича, помогает начинающему ученому советами, книгами из личной библиотеки... «В прежние времена мы послали бы вас для совершенствования за границу», — вспоминает Витольд Титович слова учителя, сказанные ему накануне окончания университета...

В. Т. Звиревич — историк философии, автор книг и статей по античной философии. Он же — переводчик латинских и греческих философских текстов. Долгие годы он читал курс лекций по древней философии на философском и историческом факультетах. Наконец, он много лет, с перерывами, но едва ли уже не с момента окончания исторического факультета, преподает классические языки, в течение последних десяти лет, по крайней мере, пользуясь своей собственной оригинальной методикой. Вся его деятельность, вся его жизнь связана с классической древностью. (Не только с классической, впрочем, ведь, к примеру, у него есть работы, посвященные историографии древнекитайской философии.) Общее место, очевидный трюизм — говорить о том, что предмет занятий настоящего ученого всегда как-то отражается на его личности, равно как и его личность по-своему — в зависимости от специфики той области знания, где работает ученый, — на результатах его исследований... Тем не менее я рискну поделиться здесь с читателями одной давно уже вынашиваемой мной мыслью-наблюдением.

Философской вершиной и итогом античности была концепция идеи-формы, выражаемой по-разному в платоновских и аристотелевской школах то терминами *εἶδος* или *ἰδέα*, то термином *μορφή*. Идея-форма активна, она воздействует на материю, упорядочивает, организует ее. Ей присуща особая сила и гибкость, возвышенная красота. Входя в материю, как бы распускаясь в ней, она вместе

с тем не погибает, не растворяется, но сохраняет свое единство и тождественность, всюду проявляя свою живую силу.

Время, в которое пришлось работать Витольду Титовичу Звиревичу, не было простым для ученого-гуманитария, который хотел бы быть последовательным и честным, верным тем принципам, в которых он был воспитан своими наставниками. Оно и сейчас, конечно, остается непростым. Книга В. Т. Звиревича о Цицероне «Цицерон — философ и историк философии» вышла в 1988 году. Его же «Античная антропология: от героя-полубога до “человечного человека”» — в 2011-м... Четверть века прошло, изменились вкусы, изменилась литературная и интеллектуальная мода. Кажется, что с течением времени все или почти все изменилось в нашем университетском окружении: кто писал «против», теперь пишет «за», и, наоборот, бывшие атеисты стали адептами религий, писавшие о «деревне» переквалифицировались в урбанистов и т. д. Лишь немногие продолжают идти своим путем, углубляя и расширяя свои выводы, продолжая делать свое дело, невзирая на изменяющиеся обстоятельства.

Пишут в наши дни много, а издают еще больше. Перечни научных трудов иногда не только маститых профессоров, но и вчерашних выпускников, молодых ученых поражают количеством публикаций. Но количеству статей или книг далеко не всегда соответствует их качество. Часто, слишком часто пропорция здесь оказывается прямо обратная. «Сейчас кто во что горазд, то и сочиняет или пишет», — вздохнула в одном из интервью Аза Алибековна Тахо-Годи, выдающийся филолог-классик нашего времени. Порой кажется, что почти что у тебя на глазах, да простит меня читатель за пафос, разлагается, гниет сама научная мысль... Я открываю книгу В. Т. Звиревича «Жанр утешений в античной философской литературе». Скромный подзаголовок: «Учебное пособие». Но эта книга Звиревича — едва ли не первая в отечественной литературе *научная* работа, где рассматривается важнейшая — не только для античности — тема *философии как утешения*. Прослежена история данного жанра как жанра философской литературы в античности. Пусть это первый шаг, шаг, имеющий характер исторического очерка. Но первый шаг часто оказывается и самым трудным. Кто-то должен его сделать. Ясный, последовательный, в лучших традициях науки о классической древности, шаг... Книга включает в себя большую «Хрестоматию утешений», в которой — переводы ранее никогда не переводившихся текстов Цицерона, Сенеки, Плутарха... В том же 2013 году, когда эта книга вышла в издательстве Уральского университета, в московском научном издательстве «Кругъ» вышел огромный том «Сатурналий» Макробия, одного из самых знаменитых памятников античной литературы, впервые полностью переведенного Витольдом Титовичем... Плод напряженной работы нескольких лет! Эта книга является также одним из важнейших источников для историка античной философии.

Особенность работ В. Т. Звиревича — простота и точность мысли и ее выражения. Монографии и учебники Витольда Титовича написаны ясным, живым языком. Там, где есть мысль, там есть и жизнь. Это вновь заставляет меня

вспомнить об античной концепции идеи-формы. Она, эта форма, всегда активна и свежа... Да простит мне Витольд Титович личное признание, но я именно так ощущаю его присутствие в нашей сегодняшней университетской среде. Что еще осталось от жизни среди потока невнятных публикаций, среди тех самых имитаций, подделок, о которых здесь и вспоминать бы не хотелось, да невозможно не вспомнить?.. В случае Витольда Титовича молодость встречается с молодостью. Он классический преподаватель, осуществляющий в своей работе со студентами традицию своих блестящих учителей. И в своих научных исследованиях Витольд Титович не делает перерывов, работает постоянно, в последнее время, по его словам, занимаясь историографией... Греческое слово «поэзия» в истоке означает «созидание», «творение». Поэзия не только в рифмованных или нерифмованных строках. Поэтическая атмосфера окружает неприметную — кабинетную — каждодневную работу ученого, проявляясь в точно найденной формулировке, меткой характеристике... Такова «поэзия Звиревича», которая оказывается для нас сейчас насущной, необходимой.

С. П. Пургин